Е. Л. СЛАБЕЙКО, студент БГУ

АММИАН МАРЦЕЛЛИН О ВАРВАРАХ В РИМСКОЙ АРМИИ

Нужно отметить, что взгляды последнего римского историографа на проблему превалирования варваров в римском войске IV в. н. э. весьма неоднозначны. Аммиан удручен и восхищен. Он категорически против принятия варваров на гражданскую и военную службу, введенного эдиктом Константина Великого. Осуждает он и Юлиана. Римский

историк стоит выше времени, как и город Рим. Он не хочет понимать, что без варваров, не романизированных (галлов, фракийцев, иберов), утративших боевые природные качества, но настоящих, из-за Рейна и Дуная, невозможны уже победы, да и собственно армия. Следует сказать, что Аммиан резко разграничивает давно романизированных солдат-галлов, которые просят не увести их за Альпы, ввиду того, что их семьи окажутся беззащитными, и собственно германцев (в данном случае алеманнов). В понимании Аммиана всё ещё сохраняется возможность традиционного решения вопроса о варварах. Они уничтожались либо использовались на территории Римского государства в качестве рабов или колонов. Так было, — но так не будет! Эта правда уязвляет Аммиана. Будучи военным практиком, он видит дальше своих соратников по кружку «последних римлян», ещё идеализируя положение, не замечая, что рабы уже стали господами. Что искусство древних потеряно, дисциплину и организованность заменили личная храбрость и корпоративный дух. При огромном количестве населения Рим оказался неспособен создать национальную боеспособную армию.

Отметим, что контингенты варваров привлекались в римское войско на протяжении всего его существования. Как пушечное мясо превратилось в элиту, вопрос не нашего исследования, однако этапы представляются следующими. Пунические войны показали, что термин «пушечное мясо» вовсе не резок. Еще Марий жаловал после побед над тевтонами и кимврами римское гражданство италийским когортам. После Союзнической войны (90–88 до. н. э.) проблема италиков отпала. В 212 г. н. э. в связи с эдиктом Каракаллы проблема отпала во всеимперском масштабе. Дунайские легионы, вознесшие на трон Северов (193), в награду получали право на часть легионной пашни (*pratum*) и жизнь с семьями вне лагерей лишь время от времени проходя стажировку. Воины становились земледельцами, т. е. обращались в первобытное, ополченческое состояние. Для того, чтобы поддерживать армию в ее идеальном былом состоянии, нужны были войны. У германцев за Рейном и Дунаем можно было приобрести разве что их жизни, и то в обмен на свои собственные. На Востоке образовалась могущественная Парфянская держава, а затем ее преемник — Сасанидский Иран. Империя выдохлась. Исчез легион, а римская дисциплина и в период своего расцвета не могла в достаточной мере обеспечить успех в сражении против варварской дикости. Перевес римлян был стратегическим, т. е. заключался в способности полководца ввести в бой на

определенном участке фронта большие силы, либо умения в общем лучше направлять и снабжать массы людей.

Таким образом, легионы, теряющие профессионализм и дисциплину уступают первенство варварским контингентам (*auxillia* и *alae*). Усиливая свою природную ценность прохождением римской службы и снабжением римским оборонительным и наступательным вооружением, варвары становятся ядром имперской армии IV в. н. э. Аммиан говорит об *auxillia* уже не как о собственно вспомогательных, но как об элитных частях римского войска. Варвары буквально затопляют империю. Причем, как правило, между находившимися на римской службе и свободными от нее не было политической общности. И одни, и другие при удобном случае уничтожали друг друга. Война — неотъемлемая часть жизни германца. Получая же за нее золото и земли, обрабатываемые зачастую его же соплеменниками-рабами, он нашел себя в этой изживающей системе. По Аммиану, они словно инородные частицы в римской среде и вообще нет ничего более абсурдного, чем использование готов в качестве федератов-воинов. Мнимое противоречие. Аммиан хочет его видеть, но оно отсутствует. Здесь протестует его гордость, его воспитание, его вера. Чем большим варваром являлся тот или иной воин, тем он знатнее, и чем больше он римлянин, тем менее значительное положение он занимает. Это не укладывается в сознание Аммиана, и он пишет, взывает, просит опомниться, — только к кому?! Эти строки — как крик души. Подвиг римлянина, награжденный гражданским венком, становится повседневной работой варвара-наемника. Он воюет ровно на столько, на сколько ему заплачено, не отличаясь при этом примерным поведением. Его зачастую не интересуют проблемы «новой Родины». Солдаты позволяли себе наглости и грабежи по отношению к своим согражданам, а перед неприятелем проявляли трусость и бессилие. В полной праздности они обогащались путем разных происков. Предпочитали кубки более тяжелые, чем их мечи, — уже стыдно пить из глиняной посуды. Они желают жить только в мраморных дворцах. Вегетий вторя Аммиану упоминает, что части войска и доньяне носят название легионов, но вследствие небрежности последних лет крепкая сила этих легионов уже надломлена, когда награду, даваемую прежде за доблести, стали получать благодаря интригам, а воины стали по протекции добиваться повышений, которые прежде они получали за труд. «Варвар» же в ту эпоху являлся техническим обозначением солдата, а военный фиск — «вар-

варским». Римские слава, доблесть и победы являлись уже римскими только по названию.

Аммиан упоминает однажды, что все командиры в части за Тавром являются римлянами, что в его время встречается редко! Едва ли не безысходность, потерянность звучат в этих словах последнего римского историографа, наблюдавшего и описавшего де-юре фактически падение, вырождение римского военного дела, повлекшее за собой и гибель Римского государства де-факто в V н. э.